

ВИТАЛИЙ КИРЮЩЕНКО

В сети гипотез¹

Несмотря на все старания философов и историков, не только теория, но и биография американского логика и основателя прагматизма Чарльза Пирса обнаруживает некоторое количество белых пятен. Самое интригующее из них — личность второй жены Пирса, Джульетты Фруасси-Портале. Тем более, что достоверные факты о ней, по мнению многих исследователей, могли бы дать объяснение ряду поступков Пирса и принятых им решений, которые сильно повлияли на его жизнь и — возможно — теорию.

* * *

Незадолго до того, как Пирс отправился в свое пятое путешествие в Европу в апреле 1883 г., он написал в письме суперинтенданту Береговой службы США² Юлиусу Хилгарду:

Я хочу вступить в брак с француженкой, мадам Портале, которая вот уже много лет живет в этой стране, и которую, главным образом, удерживает здесь плохое здоровье. В настоящее время ее самочувствие внушает самые худшие опасения. Ее финансовые дела также пребывают в крайнем расстройстве и требуют ее присутствия <на родине>. К тому же, она дает согласие на брак здесь только в том случае,

¹ Автор сердечно благодарен профессору Нэйтану Хаузеру, директору Peirce Edition Project, за возможность ознакомиться с архивными файлами библиотеки проекта, содержащими переписку Макса Фиша и Мориса Оже, а также черновые записи Виктора Ленцена.

² Береговая служба США — научная организация, основанная в 1807 г. швейцарским математиком и астрономом Фердинандом Рудольфом Хасслером, который эмигрировал в США в 1805 г., не пожелав примириться с оккупацией Швейцарии войсками Наполеона Бонапарта. Деятельность Б.С., в задачи которой входил сбор географической и геодезической информации о прибрежных районах страны, оказала сильнейшее влияние на общий ход Гражданской войны, поскольку составленные ею подробные карты Восточного побережья позволили флоту юнионистов одержать ряд важнейших побед.

если я отправлюсь вместе с ней во Францию, чтобы там повторить церемонию. Все это вкупе создает настоятельную необходимость поездки для нее и для того, чтобы я ехал вместе с ней.³

Как следует из брачного сертификата, второй женой Пирса стала уроженка Франции Джульетта Аннета Фруасси, 26 лет, дочь Огюста Фруасси и Роз Эйем. Тот же документ сообщает, что на момент брака Джульетта была вдовой, и в качестве фамилии ее бывшего мужа указывает «де Портале».

Брак был заключен незадолго до отъезда, в Нью-Йорке, всего через два дня после официального развода Пирса с Гарриет Мелузиной Фэй — поспешность, которая представляется тем более странной, что именно она послужила одной из причин увольнения Пирса из университета Джонс Хопкинс, перечеркнув все его надежды на академическую карьеру.⁴ Более того, по возвращении из Европы, за этой неудачей вскоре последует закат карьеры Пирса в Береговой службе, которая, после смерти его отца, математика Бенжамена Пирса, и фактического распада научной группы лаццарони,⁵ к началу 1890-х гг. постепенно растеряет былой авторитет как чисто научное предприятие. Пять лет спустя, в мае 1888 г., Чарльз и Джульетта приобретут небольшую ферму и дом в Милфорде, Пайк каунти, Пенсильвания, где Чарльз, с небольшими перерывами, проведет последние 26 лет жизни. Милфордская усадьба станет для них обоих своего рода «добровольным изгнанием», в котором Пирсом будет написана большая часть известного на сегодняшний день корпуса его работ по истории науки, этике, прагматизму, семиотике и космологии.

Сам Пирс на вопросы касательно прошлого Джульетты всегда либо предлагал откровенно фантастические версии, либо выражался в том смысле, что готов пойти на все ради того, чтобы тайна подлинной личности его второй жены никогда не была раскрыта. И действительно, несмотря на все попытки архивных и полевых исследований, единствен-

³ Цит. по: Max H. Fisch Files, Peirce Edition Project, IUPUI (далее MHFF), “Maurice Auger”, MNF-MA, 15.06.1984.

⁴ Пирс преподавал логику и историю науки в университете Джонс Хопкинс с 1879 по 1884 г. Среди студентов, посещавших его курсы, были Джон Дьюи, Торстен Веблен, а также Алан Марканд, изобретатель «силлогистического вариатора», первой электромеханической логической машины. После скандалов, связанных с женитьбой на Джульетте Фруасси и необдуманной продажей университету собранной Пирсом уникальной коллекции книг по средневековой логике, попечительский совет Хопкинса отказал ему в продлении контракта.

⁵ Лаццарони, или «Флорентийская Академия» — ироническое самоназвание группы ученых, инициировавших организацию первых научных институтов США в 1840–70-х гг. *Lazzarone* — «попрошайка» (*um.*), от исп. *lazarino*, человек, содержащийся в лепрозории, прокаженный. Исторически, лаццарони — уличная беднота, селившаяся в XV–XVII вв. вокруг рыночной площади Неаполя, и сыгравшая большую роль в антииспанском восстании 1647 г.

ным вполне достоверным фактом биографии Джульетты, помимо тех, что непосредственно связаны с жизнью самого Чарльза, а также тех, что известны по семейной переписке Пирсов и сообщениям газеты *Milford Dispatch*, является лишь дата ее смерти — 4 октября 1934 г. При этом, 7 лет, прошедшие между началом работы в Хопкинсе и переездом в Милфорд, безусловно, составляют центральный момент биографии Пирса. Кроме того, многие из версий любопытным образом пересекаются друг с другом. Учитывая все эти факты, более чем вероятно, что, несмотря на видимую недоступность реальности, скрывающейся за многочисленными мистификациями вокруг Джульетты, характер этих мистификаций сам по себе, создаваемая ими география и список имен — все это вкуче все же сообщает нечто об особенностях отношений между Джульеттой и Чарльзом, создавая, тем самым, по крайней мере, негативный отпечаток ее личности.

В любом случае, с одной стороны, ясно, что никакой вымысел не может быть абсолютным — он всегда включает в себя какие-то осколки реальности. Создавая вокруг Джульетты плотную завесу неправдоподобных историй и фактов, Пирс, подобно Дон Кихоту Ламанчскому, не мог не учитывать, что вымышленные истории хороши как таковые лишь тогда, когда хотя бы в какой-то мере приближаются к правде. Ни сознательное измышление подлога, ни подлинно научное презрение к любому доэкспериментальному различию между реальным и нереальным, не позволяют субъекту речи оставаться, по выражению Мишеля Фуко, абсолютным «героем Тождественного». Порядок сходств, увы, не бесконечен.

Мир измышляемый стремится к замкнутости, потому что иначе в него невозможно поверить. С другой стороны, эта замкнутость является не только средством, но и условием самого вымысла — иначе его невозможно осуществить. С этим трудно спорить со времен аристотелевской «Поэтики». Но в силу тех же причин, любой историк или биограф в той или иной степени обречен на судьбу борхесовского Аверроэса, который мог бы, вероятно, выучить «Поэтику» наизусть, и даже понять все, что там написано о театре, но все равно так никогда и не узнал, что же такое «театр». И это справедливо, поскольку действительность любой конкретной жизни предполагает набор конечных фактов и переживаний, внешняя семантика которых не является чем-то очевидным. Иначе говоря, они представляют собой мотивационные единства, габитусы, которые можно использовать или интерпретировать, но в которых, как сказал бы Витгенштейн, уже нечего более *понимать*. Неизбежно отдавая, таким образом, какую-то часть биографии на откуп литературе, все, что мы обретаем взамен, это, по выражению Гордона Комстока, одного из героев Оруэлла, ряд замочных скважин, в которых мы видим нечто только потому, что не видим всего остального.

Вместе с тем, задачи создания, измышления или правдивого описания какого-либо объекта переплетаются и в семиотике самого Пирса,

позволяющей самые причудливые трансформации отношений между «описанием» и «действительностью»:

Что отличает человека от слова? Какое-то различие, здесь, безусловно, должно иметь место. ... Можно, к примеру, сказать, что человек осознает, слово же — нет. Но «сознание» — термин очень смутный. Он может означать эмоцию, которая сопровождает рефлексию о том, что мы обладаем животной жизнью. Такое сознание притупляется, когда животная жизнь в упадке — в старости или во сне, — но не притупляется, когда в упадке жизнь духовная; оно тем живее, чем лучше человек оказывается как *животное*, и, напротив, никак не характеризует то, за счет чего человек оказывается лучше как *человек*. ... Это сознание, будучи лишь ощущением, есть только часть материального качества человека-знака. Сознание, опять же, употребляется для обозначения *я мыслю*, или единства мысли; но единство это есть не что иное, как связность, или признание таковой. Связность относится к каждому знаку в той мере, в какой он есть знак; следовательно, каждый знак, в первую очередь обозначающий именно то, что он — знак, обозначает собственную связность. ... Как тот факт, что всякая мысль есть знак, взятый вместе с тем фактом, что жизнь есть связная последовательность мысли, доказывает, что человек это знак, так же и то, что всякая мысль есть внешний знак, доказывает, что человек есть внешний знак. Иначе говоря, человек и внешний знак тождественны в том же смысле, в каком тождественны слова «фото» и «человек». Таким образом, мой язык есть полная сумма меня самого; ибо человек есть мысль.⁶

Эта логическая цепочка не утверждает, что связность истории непременно влечет за собой ее правдивость. Напротив, никак не отменяя требований элементарного здравого смысла, она отрицает существование чисто внутреннего, внушая надежду на то, что, по крайней мере, некоторые из выдвигаемых гипотез, или, в терминологии Пирса, абдукций, должны содержать в себе указание на события и факты, действительно имевшие место.

Факты же, на которых построены основные гипотезы относительно Джульетты, рисуют достаточно пеструю и противоречивую картину. Наряду с записью в брачном сертификате, в том, что касается ее возраста, имени, предков, места рождения, а также возможных причин сокрытия этой информации — существует целый ряд других, как прямых, так и косвенных свидетельств.

Так, например, в 1900 г. Джульетта сообщила пришедшему в усадьбу переписчику свой возраст как 48; по разным утверждениям Пирса, она прибыла в США из Европы в 1876–1878 гг. в возрасте 19; а одна из записей в его же личном дневнике за 6 января 1914 г., незадолго до смерти, загадочно гласит: «*Hodie uxor L. anos nata est*».⁷ В последнем случае, к мо-

⁶ Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition. Ed. by the Peirce Edition Project. Vol. 2, Bloomington, 1984, pp. 240–241.

⁷ «Сегодня супруге исполняется 50» (*лат.*).

менту их предполагаемой встречи, к примеру, в 1876 г. Джульетте должно было бы исполниться не более 12.

Что касается имени, то Джульетта в разное время использовала в личной корреспонденции как «Фруасси», так и «Портале». Пирс же в нескольких письмах сообщал, что она прибыла в США «без имени». Последнее вполне может быть прочитано как намек на то, что все без исключения имена, известные до ее свадьбы с ним, являются полностью вымышленными по взаимному сговору. В не отосланном наброске письма Уильяму Джеймсу, в сентябре 1909 г. Пирс писал: «Я не знаю ни каково ее имя теперь, ни каким она звалась в прошлом, и у меня нет на этот счет ни малейшей зацепки или догадки».⁸ По воспоминаниям очевидцев, в частности, Уолтера Гассмана, которому в 1898 г. было 13 лет, и родители которого переехали в Милфорд примерно в то же время, что и Пирсы, он ни разу не слышал, чтобы Чарльз называл жену по имени, чаще всего обращаясь к ней не иначе как «Малышка». Причем обратным обращением, как следует из его письма, иногда служило довольно странное для Америки XIX века слово «Воррег» («Рара» в интерпретации Д. Брента, или «Ваба» по версии В. Ленцена). Тот же Гассман сообщает, что «Малышка» часто заходила к ним домой и подолгу разговаривала с его матерью, в основном о своем детстве, якобы проведенном в Австрии с Габсбургами, упоминая при этом Франца-Иосифа, а также Бисмарка, у которого любила посидеть на коленях.⁹ Между тем, тогда как второй вариант обращения более или менее правдоподобен по смыслу, а первый, скорее всего, является фонетической комбинацией двух остальных, «Ваба» служит в поддержку, в общем, довольно слабой версии о русском происхождении Джульетты.

Берт

Миссис Филипс, женщина, какое-то время занимавшая бывший дом Пирсов после смерти Джульетты, свидетельствовала, что та, рассердившись, ругалась по-русски, а также хорошо понимала польскую речь. При этом, как следует из других интервью с бывшими соседями, Джульетта утверждала, что одна из ее сестер вышла замуж за русского графа и пропала в России во время революции 1917 г.

«Русская версия» находит свидетельства, не слишком, впрочем, убедительные, в семейной переписке Пирсов. В одном из писем 1901 г., адресованных младшему брату Чарльза Герберту, его старший брат Джеймс Миллз (Джем) сообщал:

Я слышал от Чарльза, что «Джульетта решила» принять предложение о продаже собственности в Милфорде за \$7,000, включая мебель и другие вещи, и уехать

⁸ MHFF, "Juliette", CSP-WJ, after 03.09.09.

⁹ Ibid. "Walter Gassman".

жить за границу. Надеюсь, она-таки не направится в Санкт-Петербург; я, честно говоря, не слишком верю в такую возможность. <...> Так или иначе, вероятно, это не было бы такой уж большой ценой за ее исчезновение, хотя я имел шанс убедиться в том, что она сильно привязала к себе Чарльза, и что жить без нее он совершенно не в состоянии. <...> Загадка его обязательств перед ней выше моего понимания. Хотя, может статься и так, что здесь совершенно нечего понимать кроме того, что, он, по его собственному убеждению, разрушил ее жизнь и поэтому кругом у нее в долгу.¹⁰

Из текста письма не ясно, было ли это предположение основано на знании о том, кем являлась Джульетта на самом деле, или Джем просто подыгрывал служившему в то время секретарем посольства США в Санкт-Петербурге Герберту, который не слишком хорошо отзывался о жене брата и не имел ни малейшего желания с ней встречаться. Это нежелание, в свою очередь, могло бы получить объяснение, если не считать очередной фантазией одно из писем Чарльза Джемму, написанных в период между 1881 и 1883 гг. В нем он говорит, что репутация Джульетты пострадала от некоей совершенной им «ужасной ошибки», «злых махинаций проходимца, попытавшегося воспользоваться ее незащищенностью» и «жестокое обращение семьи Пирсов» — кроме отца, который, «как человек, знавший мир, всегда был на ее стороне». Имя проходимца не называется; подробности ужасной ошибки также остаются не раскрыты. Далее Чарльз пишет о разрыве, произошедшем между ним и Джульеттой, и о том, что его брат Герберт, которому незадолго до того стало известно *все* о Джульетте, решив воспользоваться ситуацией, начал добиваться ее руки. При этом Чарльз уверял, что у его жены имеются на руках письма, изобличающие брата, которым он в любой момент готов дать ход.¹¹

Обстоятельства получения Гербертом поста в Санкт-Петербургской дипломатической миссии в деталях не известны. 19 сентября 1893 г. им было написано прошение о консульском назначении во Франкфурт-на-Майне или Брюссель. Вскоре после этого Чарльз написал своему другу Уильяму Эверетту:¹²

Я хотел бы получить от тебя серьезный и совершенно конфиденциальный совет. Берт настаивает, чтобы я употребил все свое влияние на конгрессменов, сенаторов и прочая ради того, чтобы добыть ему консульство. Полагаю, что это было

¹⁰ Цит. по: Max H. Fisch Chronological Catalogue, Peirce Edition Project, IUPUI (далее МНФС), JMP-NHDP, 01.02.01.

¹¹ Цит. по: Charles S. Peirce Papers, Houghton Library, Harvard University, в соответствии с нумерацией в Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce. R. S. Robin (ed.). The University of Massachusetts Press, 1967 (далее L) 339, CSP-JMP, n. d.

¹² Уильям Эверетт (1839–1910) — конгрессмен, сын политика Эдварда Эверетта, известного своей речью в Геттисберге, прочитанной перед знаменитым «Геттисбергским обращением» Авраама Линкольна 23 сентября 1863 г.

бы крайне сложным делом. Я сам мог бы стать консулом, а нам обоим консулами быть никак не возможно. <...> Я подумываю о том, чтобы сообщить ему, что друзья Джульетты готовы похлопотать о назначении меня министром, что я слишком нуждаюсь в этом месте, чтобы впустую использовать свои связи, но что, если я получу пост, то, так и быть, согласен посодействовать назначению его секретарем миссии. <...> Он не говорит ни по-французски, ни по-немецки, и лишь с трудом читает на французском при помощи словаря.¹³

Герберт, самый младший из Пирсов, и правда не был наделен какими-либо особенными талантами, но все же имел минимальные способности, вполне позволявшие незатейливую дипломатическую карьеру средней руки. Несмотря на откровенно трикстерский характер письма, остается фактом, что в 1894 г. он действительно был назначен на должность третьего секретаря американской миссии в Санкт-Петербурге и прослужил в ней до 1901 г. В 1897 г., когда миссия получила статус посольства, он был награжден русским правительством императорской медалью за службу во время коронации Николая II, а в 1900 г., как представитель Соединенных Штатов, участвовал в переговорах по поводу незаконного лова рыбы русскими браконьерами в территориальных водах США в Беринговом море.

Особым интересом Герберта были русские тюрьмы, о чем свидетельствует пространное письмо, адресованное издателю *New York Tribune* и опубликованное в виде статьи в номере за 1 марта 1898 г. В 1899 г., в разгар строительства Транссибирской железной дороги, Берта навестил Джем. Причины этого визита точно не известны, и от него сохранилось только одно письмо Джема Чарльзу, не содержащее ничего, кроме общих впечатлений от Санкт-Петербурга, достаточно подробного описания внешности и характера Николая II, а также восхищения вкусом свежей икры, русским драматическим талантом и петербургской полицией:

Полисмены, или *godavoi*, представляют собой людей самой приятной наружности из всех представителей этой профессии, которых мне приходилось видеть где бы то ни было. Они сильно отличаются от мощных лондонских бобби, и, пожалуй, в еще большей степени, от охраняющих улицы Нью-Йорка ирландцев. Они невелики ростом, молоды и чрезвычайно активны, их лица излучают приветливость и лишены каких-либо признаков властности. Дни напролет они проводят посреди улиц, регулируя уличное движение и подсказывая прохожим дорогу. При этом они выказывают немалое рвение, обращаясь с людьми крайне мягко и даже с некоторой заботой. Вместе с тем, они с неменьшим рвением готовы подчиниться любому приказу начальства, даже если бы для этого им пришлось перерезать все население города. ...¹⁴

¹³ MHFC, CSP-WE, after 20.09.93.

¹⁴ L 339, JMP-CSP, 27.02.99–11.03.99.

В 1905 г. Герберт представлял США на мирной конференции в Портсмуте, пытавшейся решить территориальные споры между Россией и Японией. Это, пожалуй, была наивысшая точка его карьеры. В марте 1906 г. он стал инициатором нескольких дипломатических скандалов, выявив ряд злоупотреблений в американских посольствах на Востоке (пьянство, коррупция, незаконный бизнес и подделка сертификатов на въезд в США китайских чернорабочих). Он руководил расследованиями в посольствах Каира, Александрии, Суэца, Порт-Саида, Сингапура, Гонконга и Владивостока, проявив изрядное рвение, а в мае 1907 г., по прибытии в Бостон, сам был взят под арест как недобросовестный заемщик.

Буквально за месяц до назначения Герберта, опять же в письме Джемму, Пирс упоминает о неких «посланцах» из Нью-Йорка, которые предпринимали попытки убедить Джульетту бросить его и уехать в Европу.¹⁵ Имеется также целый ряд других писем Пирса, написанных в разное время, в которых упоминаются связи Джульетты в России и указания на то, что своим местом Герберт обязан влиянию его жены. Среди них есть письмо в Нью-Йорк от 14 марта 1898 г., где Пирс ссылается на влиятельных знакомых Джульетты при русском дворе в Санкт-Петербурге и предлагает ей рассмотреть возможность возвращения в Европу «к друзьям».

Сара Миллз, мать Чарльза, в декабре 1883 г., через 8 месяцев после его женитьбы на Джульетте, пишет Пирсу письмо об отставке профессора Сильвестра¹⁶ из Хопкинса, в котором встречается странная фраза «Поздравляю тебя с твоим сибирским изгнанием» — совершенно не связанная с общим контекстом и никак не поясняемая. Вместе с тем, весьма вероятно, что это не замечание, имеющее прямое отношение к Джульетте, а метафора, отсылающая к проблемам Пирса в Береговой службе.

В. Ленцен, расследуя возможные русские и польские следы в прошлом Джульетты, в связи с этими и другими письмами Пирса, в качестве одной из гипотез о ее отце приводит имя уроженца Нанси Адольфа Фурье де Бакура, в 1840-х гг. служившего французским послом в Вашингтоне и на Сардинии.¹⁷ О знакомстве с ним Джульетты было известно также со слов последней. Племянница де Бакура, графиня де Жанвиль, была французской писательницей, печатавшей в 1870–1890-х гг. фельетоны и критические статьи, высмеивающие популистскую демократию Французской республики под псевдонимом *Сур*. В ее поздней книге *Souvenirs d'une petite fille* Ленценом было обнаружено описание одной

¹⁵ Ibid. CSP-JMP, 31.07.94.

¹⁶ Джеймс Сильвестр, настоящее имя Джеймс Джозеф (1814–1897) — английский математик, ученик Августина Де Моргана и основатель *American Journal of Mathematics*. В 1877–1883 гг. преподавал в университете Джонс Хопкинс.

¹⁷ MHFF, “The Identity of Juliette” by Viktor Lenzen, pp. 5–7.

из ее бывших одноклассниц, «темноволосой Джульетты». К тому же, как выяснилось, Джульетта читала эту книгу и делала из нее выписки – возможно, с целью использования их для создания очередной мистификации. В интерпретации Ленцена, в связи с де Бакуром возникают фамилии князей Радзивилов и Голицыных,¹⁸ хотя на основании приводимых им фактов никаких точных выводов сделать также не представляется возможным.

Как известно, одним из самых заметных Голицыных в Америке был князь Дмитрий (1770–1840), перебравшийся в США в конце XVIII века и ставший католическим священником, получив посвящение в сан в Балтиморе – городе, в котором в то время находилась одна из крупнейших католических епархий США. После долгих путешествий по Мэриленду, Виржинии и Пенсильвании в качестве миссионера, он основал поселение, названное им Лоретто – в 150 милях от Филадельфии, между Крессоном и Эбенсбургом. Любопытно то, что именно в этих двух городках располагались станции Береговой службы, которые непосредственно курировались Чарльзом Пирсом, и в которые он несколько раз приезжал. Голицын много тратил на поддержание своей католической колонии в надежде на наследство из России, которое никогда не было им получено. В конце концов, он приобрел значительные долги, отдать которые до конца так и не смог. Впоследствии Голицын отказался от титула и фамилии, и жил в Лоретто, скрываясь под именем «отец Смит». В 1840 г. в США переехала его родственница Елизавета Голицына, также католичка, принявшая монашество во Франции и до прибытия в Америку жившая в различных французских католических монастырях. Все эти монастыри принадлежали конгрегации *Святого Сердца Иисуса*. Конгрегация была основана Мадлен Софи Бара в 1800 г. как орден, имеющий своей основной целью образование девочек-сирот. Первый приют был открыт конгрегацией в Амьене, Франция.

Ульнэ

Своей подруге Марии Штайнер Джульетта говорила, что местом ее рождения является эльзасское местечко Лафрэнболь. По другой версии, распространявшейся ей с несколько большим усердием, она, как и вышеупомянутый Адольф де Бакур, родилась в Нанси – городе в граничащем в Эльзасом регионе Лорейн. Гиффорд Пиншо,¹⁹ сын подруги Джульетты Мэри Эно Пиншо, в юности проходивший обучение во

¹⁸ Ibid. pp. 11–12.

¹⁹ Гиффорд Пиншо (1865–1946) – Главный лесничий США (1905–1910) и Губернатор штата Пенсильвания (1923–1927, 1931–1935), предложивший, при содействии Теодора Рузвельта, первую государственную программу по охране лесов; сын нью-йоркского купца бельгийского происхождения Джеймса Пиншо и Мэри Эно, дочери Амоса Эно, заработавшего баснословное состояние на подрядках по застройке Манхэттена.

Французской Национальной школе лесничества в Нанси, позже предпринял поиски семей с фамилией Фруасси в местных архивах. Однако, его усилия, как и позднейшие исследования на предмет факта венчания во Франции, не дали никакого ощутимого результата. Уильям Джеймс, большую часть детства и юности проведший в Европе, был убежден в том, что родиной Джульетты следует считать именно Эльзас, о чем, как он утверждал, свидетельствовал характерный именно для этой местности акцент, который она обнаруживала, когда говорила по-немецки и по-французски.

В бумагах Джульетты, после ее смерти в 1934 г., была найдена загадочная визитка с именем Пьера Фурье Д'Инкура, на обратной стороне которой был надписан адрес: 99 Governor Street, Providence, Rhode Island. Инкур в то время был небольшой деревней рядом с Ансьенвилем, в Эльзасе, недалеко от французской границы с Германией и Швейцарией. Адрес же, надписанный на визитке, указывал на один из род-айлендских приютов для девочек-сирот, который Джульетта посещала в апреле 1903 г., в то время, когда Пирс читал организованный Уильямом Джеймсом курс лекций по логике науки в Гарварде. О цели этого визита Джульетта никогда не распространялась. Благодаря исследованиям Макса Фиша и Мориса Оже,²⁰ точно известно лишь то, что, вместо того, чтобы сразу же отправиться с Чарльзом в Гарвард, она приезжала в приют Св. Венсана в Провиденсе в качестве гостя некоей Матери Марии. Также известно, что Джульетта пробыла в приюте время, слишком долгое для того, чтобы считать целью ее пребывания там простое любопытство или благотворительность. Приют содержался монашеским орденом *Святого Сердца Иисуса*, в монастырях которого также проводила дни Елизавета Голицына.

Мать Мария оказалась монахиней Марией Ульнэ (р. 10 февраля 1870 г.). Ее племянница, также по имени Мария, в 1980-х гг. была все еще жива и находилась в монастыре Св. Анны в Мельбурне, штат Кентукки. Обе они, как оказалось, были родом из Стежа, регион Лорейн, не слишком далеко как от Нанси, так и от Лафрэнболя, которые Джульетта, в разное время, называла в качестве мест своего рождения.

Оже совершил поездку во Францию, предприняв исследования в архивах Эльзаса и Лорейна, в частности, в Сен-Жан де Базель, Оберштайнбахе и Стеже. В результате архивных поисков, а также переписки с другими сестрами Ульнэ, среди прочего, выяснилось, что Ульнэ — французская католическая семья, часть которой в XIX веке обосновалась в США, и что в 1900-х гг. в Стеже проживало целых пять Ульнэ, причем все до одной, как и в случае с Елизаветой Голицыной, были монахинями вышеуказанного ордена.

Среди этих монахинь была некая Мария Луиза Ульнэ (р. 1 августа 1861 г.). От ее овдовевшей матери, также Марии Луизы, сохранились

²⁰ Здесь и далее см.: MHFF, "Maurice Auger".

письма, из которых стало известно о факте смерти дочери 3 сентября 1879 г. Между тем, в соответствии с одной из историй, распространявшихся Чарльзом и Джульеттой, какое-то время спустя после того, как Джульетта прибыла в США в 1877 или 1878 г., ее семье в Европу было послано сообщение о том, что судно, на котором она отплыла в Новый Свет, потерпело крушение. Если это правда, то, по предположению Оже, такое решение могло быть обусловлено как раз необходимостью распрощаться со старым именем в связи с долгами, преследованиями или нежелательным замужеством. В последнем случае, если Джульетта действительно была католичкой, это был бы единственный выход в связи с очевидной проблематичностью развода.

На роль Джульетты подходило еще несколько из обнаруженных монахинь Ульнэ, в частности, Эжени Катрин (р. 18 декабря 1861 г.). Так или иначе, поиски в архивах ордена в Кентукки ничего не дали, поскольку один из томов с данными о браках за 1863–1873 гг. по неизвестным причинам отсутствовал.²¹²²

Кроме того, соседи Пирсов по Милфорду были заинтригованы тем фактом, что к Пирсам часто приходила франкоговорящая девочка, которую они всерьез считали ее дочерью, поскольку, по их свидетельствам, Джульетта относилась к ней с большой теплотой. Если это правда, то, возможно, именно эту девочку, содержавшуюся в приюте Св. Венсана в Провиденсе, к югу от Бостона, Джульетта навещала в апреле 1903 г.

Портале-1

От таксиста, отвозившего Оже в эльзасский Оберштайнбах, он, к своему немалому удивлению, узнал о существовании, в непосредственной близости от их маршрута, замка ля Верьер, который оказался «действующим» родовым поместьем. На тот момент в замке проживал некто граф Франсуа де Портале. Нанеся визит графу, Оже выяснил, что до того, как замок перешел к де Портале, он принадлежал семье Буссьеров. Мелани Буссьер, вышедшая замуж за Эдмона де Портале, была принята при дворе испанской принцессы Эухении Монтихо, позднее — супруги Наполеона III и последней Императрицы Франции.

Одной из обнаруженных в данном роду де Портале оказалась Жанна-Альбертина, жена майора прусской кавалерии Бернарда-Эразма Кальбервиша. Дата ее смерти (24 апреля 1883 г.) крайне близка

²¹ Ibid. MA-Houlnés, 27.01.1985; Brent. J. Charles Sanders Peirce. A Life. Bloomington, 1993, pp. 142–143.

²² Странности в ситуацию добавляет и тот факт, что, по свидетельству Д. Брента, вся информация о личности Джульетты была также тщательнейшим образом вымарана и вырезана из корреспонденции Мэри Энн Пиншо, которая в настоящее время хранится в вашингтонской Библиотеке Конгресса.

к дате свадьбы Чарльза и Джульетты (26 апреля 1883 г.). Это, опять же, как и в сценарии «Ульнэ», говорит о том, что Джульетта могла пытаться скрыть свое реальное прошлое за фактом мнимой смерти. Жанна-Альбертина (имя которой имело те же инициалы, J.A., что и имя Джульетты Аннетты) вполне могла пересечь океан в конце 1870-х и жить в США. Известно, что в 1886 г. Кальбервиш женился вторично, поэтому, если поверить в факт фальсификации смерти Джульетты, ее подлинная личность действительно должна была держаться в абсолютном секрете.²³

Портале-2

В результате дальнейших архивных изысканий, Оже натолкнулся на имена Ганса Конрада Крамера, доктора, одно время практиковавшего в Милане, и его жены, Элизы де Портале — дочери графа Луи-Франсуа де Портале из швейцарского Невшателя, у границы с Эльзасом. Последний был любимым учеником одного из лаццарони, близкого друга отца Пирса и восприемника Кювье, зоолога Луи Агасси. Луи-Франсуа прибыл в Америку вслед за своим учителем в 1848 г. и до 1873 служил в Береговой службе ассистентом, а после смерти Агасси в 1873 г. стал смотрителем Музея сравнительной зоологии в Гарварде.

Учитывая все эти обстоятельства, он наверняка также был близко знаком с Чарльзом. С 1866 по 1868 гг. он возглавил несколько научных экспедиций на корабле «Бибб», снаряженном Береговой службой для проведения глубоководных исследований между Флоридой, Кубой и Багамами. Позже, уже на «Хасслере», он проплыл из залива Массачусетс через Магелланов пролив в Калифорнию, освоение которой, после продажи Россией своего калифорнийского поселения Форт Росс в 1841 г., тогда еще только начиналось. Кроме прочего, Луи-Франсуа де Портале были сделаны несколько положительных открытий касательно истории Гольфстрима.²⁴

Леви

Мишель Леви,²⁵ родившийся в эльзасском Фальсбурге, недалеко от Страсбурга и в 50 километрах от Лафрэнболя, был парижским издателем. Он любил театральное искусство, держал небольшой драматический театр для друзей и начал карьеру с публикации пьес в театральном журнале *L'Entracte* и издания исторических книг про театр. Впоследствии, вместе с братьями Кальманом и Нэйтаном, он достаточно

²³ Ibid. MA-MHF, 23.10.1984.

²⁴ Ibid. MA-Director of Lombardian Institute Archives, 27.01.1985; American Journal of Science, Vol. XX, September 1880, Obituary of J.F. Pourtalés; Brent J. Op. cit. p. 142.

²⁵ Здесь и далее см.: Ibid. MA-MHF, 19.08.1984.

большими тиражами издавал популярных в то время Шатобриана, Гюго, Бальзака, Жорж Санд, Сен-Бева, Ренана, Стендаля, Бодлера, де Токвиля, Мериме, а также переводы из По, Диккенса и Теккерея. Мишель Леви умер в 1875 г.

Во время своего второго путешествия в Европу, Пирс на какое-то время останавливался в Париже. Хозяйкой квартиры по адресу 11 Avenue de Matignon, которую он снимал, оказалась не кто иная, как мадам Леви. В 1877 г. Пирс снова приезжал в Париж по делам Береговой службы, а также для встречи с издателем *Revue Philosophique* по поводу выхода в этом журнале двух его статей: «Закрепление убеждения» и «Как сделать наши идеи ясными». Следующая поездка Пирса в Париж состоялась в мае-сентябре 1883 г. На этот раз, как и во время визита в 1877 г., почта из Береговой службы приходила на адрес 7 Rue Scribe — дом, находившийся во дворе за зданием, в котором на тот момент располагался офис Editions Calman Lévy.²⁶

Осенью-зимой 1875 г., в год смерти Мишеля Леви и прусского кавалериста Кальбервиша из «Портале-1», Пирс встречался в Париже с братом Уильяма Джеймса, писателем Генри Джеймсом. Генри, незадолго до встречи переехавший в Париж из Италии, водил знакомство с И.С. Тургеневым и дописывал последние страницы своего второго романа «Родерик Хадсон». В письмах отцу и матери в Кембридж он сообщал:

Я пробыл в Париже в точности неделю... Вчера утром появился Чарльз Пирс, который здесь зимует и который прослышал обо мне от Уильяма. Он взялся за меня весьма энергично, настояв на том, чтобы мы вместе отобедали в *Maison Dorée*, и чтобы я провел вечер в его апартаментах, которые оказались очень милы. Он, кажется, вполне процветает... имеет секретаря.²⁷

...единственная живая душа, составляющая мое здешнее общество, это Ч. Пирс, с которым я обедаю пару раз в неделю. Он очень приятный человек (когда он не в скверном расположении духа — в такие моменты он просто невыносим). Но, как говорит Уильям, он гений, а в человеке такого склада и таких способностей всякий найдет для себя нечто интересное. Он ведет здесь жизнь невыносимо одинокую и однообразную, — однако устроенную на довольно-таки широкую ногу, поскольку, по-видимому, он располагает немалыми средствами. Он не видит буквально ни души, кроме меня и своего секретаря.²⁸

Этим секретарем могла быть как жена Кальбервиша Жанна Альбертина (Ж.А.), так, по одной из версий М. Фиша и В. Ленцена, и мадам Леви.

Незадолго до произошедшего знакомства, в июле 1875 г., Мелузина Пирс, по причинам, оставшимся неизвестными, внезапно отказалась сопровождать Чарльза, отплыв домой в Кембридж. Однако, да-

²⁶ Ibid. MA-Alain Oulman, Editions Calman Lévy 04.08.1984.

²⁷ Ibid, HJjr-HJsr, Paris, 18.11.75.

²⁸ Ibid, HJjr-MrsHJsr, Rue de Luxembourg 29, Paris, 11.01.76.

же принимая во внимание подозрительный факт ее отъезда, в данном контексте нельзя не учитывать письмо, которое она отправила шефу Пирса, суперинтенданту Береговой службы США Карлайлу Паттерсону, по прибытии из Европы в Нью-Йорк в декабре того же года. Это письмо, практически без купюр цитируемое Д. Brentом в его биографии Пирса,²⁹ явно говорит о ссоре между Чарльзом и Мелузиной, но не дает ни малейшей зацепки относительно ее деталей и делает упор, в основном, на попустительском отношении Пирса к своим служебным и семейным обязанностям. Это дает некоторые основания предположить, что причиной отъезда Мелузины из Европы была, скорее всего, не измена.

На многие из книг, издававшихся Леви в Париже, писал рецензии не кто иной, как Генри Джеймс. Если Джульетта действительно была женой (или дочерью) Мишеля Леви, то в ее распоряжении должны были быть десятки мелодраматических романов, постоянно подпитывавших ее, возможно, и без того богатое воображение. Некоторые куски изданных Леви и отрецензированных Джеймсом книг обнаруживают сюжетные совпадения с автобиографическими фантазиями Джульетты — хотя сам по себе этот факт, конечно же, ничего не доказывает. Лишь одним из нескольких примеров тому служит седьмое письмо из «Писем к незнакомке» Мериме:

Я говорил с Вами о начинающейся смерти. Много лет назад, уже не помню сколько, я пробудил весьма серьезную страсть в одной актрисе из варьете — страсть, которая продлилась два месяца по меньшей мере. Она была незаурядной личностью, по-своему не чуждой добродетели и оставившей по себе память у многих осчастливленных ею. Я вижу, что она совсем недавно утонула во время кораблекрушения в Америке. Перед отплытием, она написала мне, попросив денег, и сказала, что более уже не обратится ко мне, поскольку, как она полагала, обратно уже не вернется. Эта странная кончина опечалила меня и пробудила во мне все почти забытые воспоминания о жизни, которую я вел, когда мне было двадцать лет. Между тем, ничто не вызывает у меня большую горечь, чем эти воспоминания. Всякий раз я тяжело вздыхаю, засыпая в Английском кафе, и затем вижу, как эта бедная молодая девушка бьется за жизнь посреди волн.³⁰

Джульетта, как следует из корреспонденции тетки Чарльза Шарлот Элизабет Пирс, брала уроки актерского мастерства в Нью-Йорке; кроме того, ей, безусловно, было известно то, что Мериме был принят при дворе Наполеона III, а также, как и Мелани Буссьер, близко знал герцогиню Монтихо, мать будущей французской Императрицы Эухении, с которой он познакомился в 1830 г.

²⁹ Brent J. Op. cit., pp. 99–100.

³⁰ Письмо седьмое; цит. по: МНФФ, “Maurice Auger”, МА-МНФ, 19. 08. 1984. Перевод Виктора Каплуна.

Romani

Что касается внешности Джульетты, Виктор Ленцен приводит следующее описание:

Джульетта была хрупкого сложения, ее вес не превышал 100 фунтов, а рост — 5 футов и 7 дюймов. Кожа ее была смуглой, профиль прямым, с высокими скулами. По утверждениям антрополога, такой тип лица не был характерен ни для северо-западной Европы, ни для Франции или Бельгии, но достаточно распространен в ее центральной и восточной части. Один известный исследователь цыган охарактеризовал этот тип как восточно-европейский, особо упомянув Румынию.³¹

Опять же, по свидетельствам некоторых из бывших соседей, приводимым Ленценом, Джульетта время от времени прибегала к различным магическим практикам, — например, могла «насылать проклятия, пряча на участке или в доме человека куски одежды, отрезанные от умершего мученической смертью члена ее семьи». Ей приписывали гипнотические способности, а также умение гадать на картах таро. Кроме уже упоминавшихся Филипсов и Гассманов, многие другие жители Милфорда также упоминали цыган, которые, проходя табором через город, использовали участок Пирсов в качестве временной стоянки. В частности, по словам проинтервьюированного Ленценом Уильяма Кенворси, во время таких стоянок Джульетта разделяла с цыганами трапезу и разговаривала с ними на их языке.³²

Пирс также проявлял повышенный интерес к языку цыган. В письме своему другу Френсису Расселу от 14 мая 1892 г. он сообщал о написанной им «Экскурсии по Фессалии» (позже известной как «Фессалийская топография»), задуманной в виде популярной лекции и представлявшей собой

... рассказ о приключениях молодого путешественника в Фессалии в 1862 г., в то время, когда эта страна была еще довольно дикой. Он создает своего рода поэтическую атмосферу и впечатление подлинной истории, однако описываемые в нем приключения довольно удивительны.³³

Рассказ был прочитан Пирсом в *Century Club* — клубе, в котором собиралась вся артистическая и бизнес-элита Нью-Йорка. В рассказе присутствуют персонажи-цыгане, и некоторые диалоги частично происходят на цыганском наречии. Версия о цыганском происхождении Джульетты маловероятна, но привлекательна, поскольку не входит в «мифологический канон» самих Пирсов и никак не поддерживает

³¹ MHFF, “Maurice Auger”, p. 2.

³² Ibid. p. 3; VL-MHF, II.07.61.

³³ L 387, CSP-FCR, 14.05.92; FCR-CSP, II.05.92.

ся в их историях.³⁴³⁵ Так или иначе, следует учитывать и тот факт, что Пирс был знаком с востоковедом и знатоком языка цыган Эдвардом Палмером, с которым Пирс встречался во время своего первого путешествия в Европу в 1870 г., и который, помимо преподанных тогда Пирсу нескольких уроков арабского, вполне мог обучить его также основам цыганского.³⁶

Из еще не упомянутых писем жителей Милфорда, лично знавших Джульетту после смерти Чарльза, следует, что

миссис П. была эксцентричной особой <...> всякий раз, когда случалась какая-либо неприятность, она переставала использовать комнату, в которой это произошло, и обустроивала для себя другую. Ей нравилось показывать дом, и гвоздем программы всегда была каминная доска, на которой располагался симпатичного вида сосуд примерно в фут длиной. Подводя к нему гостя, она говорила «А теперь я представлю Вас моему мужу».³⁷

Сосуд содержал прах Чарльза – Джульетта настояла на кремации его тела, что представляется странным, поскольку не вяжется с ее собственными утверждениями о том, что она была католичкой.

К почти бесспорным мистификациям, в разное время распространявшимся Чарльзом и Джульеттой, относятся, среди прочих, следующие сюжеты:

1) Джульетта вынуждена была бежать в США, поскольку расстроила свадьбу одного из европейских принцев, режиссировав интригу с матерью его невесты. История совпадает с тем, что произошло между Наполеоном III и принцессой Ваза, но указанные события имели место в 1852 г., т.е. гораздо раньше, чем Джульетта могла в них участвовать – 1852 едва ли мог бы быть даже годом ее рождения.

2) Джульетта была принцессой из рода Габсбургов и провела детство в компании с мальчиком, впоследствии ставшим Кайзером Вильгельм-

³⁴ Цыганская версия представлена в: Ketner K. L. *His Glassy Essence*. Vanderbilt University Press, 1998.

³⁵ По мнению профессора Андре де Тьенна (*Peirce Edition Project*), всеми ссылками и знаниями о жизни цыган Пирс обязан вовсе не цыганским происхождением Джульетты, а вышедшей в США в 1882 г. книге Чарльза Лиланда о цыганах, с текстом которой тот был близко знаком: Leland, Charles G. *The Gypsies*. Boston and New York, 1882.

³⁶ Эдвард Палмер (1840–1882) – английский востоковед и полиглот, специализировавшийся на цыганских наречиях, а также владевший, среди прочих, фарси, арабским, хинди, урду и их диалектами. В 1882 г., во время египетского восстания против строительства Суэцкого канала, участвовал в переговорах между английским правительством и арабскими шейхами. Вскоре после этого, во время очередного перехода через пустыню с целью передачи шейхам крупной суммы денег, был ограблен и убит бедуинами.

³⁷ MHFF, “W.B. Kenworthy, Jr.”.

мом II.³⁸ По недоразумению, она оказалась вовлечена в так называемую «Майерлингскую трагедию», связанную со смертью Марии Вестера и Рудольфа Австрийского, единственного наследника Франца Иосифа I, покончивших жизнь самоубийством. Ей пришлось бежать в Бельгию, и затем в США, где она должна была остаться на том условии, что на ее имя будет открыт счет, куда должна будет регулярно поступать некая сумма. Она утверждала, что обладает платьем, принадлежавшим Марии-Антуанетте и колье, подаренным Францем-Иосифом.

Миссис Кетчем Дюпуа, как-то сидевшая с Джульеттой во время инфлюэнцы, говорила, что в бреду она называла себя «принцессой Джульеттой», и ругала «малютку Вилли» (Кайзера) за те ужасные вещи, которые он учинил в Европе.³⁹ Из интервью с жительницей Милфорда Эдной Грин известно, что

она говорила по-французски и была миниатюрной женщиной с очень узкой талией; всегда носила длинное черное платье с высоким воротником, в центре которого был пришпигнут жемчужный крест на платине или золоте <...> У нее было платье с пуговицами из ляпис-лазури, пришитыми спереди, она их срезала и дала по одной моей бабке, матери, двум теткам и мне, а также подарила мне серьги. У нее была нитка ограненных бус, которые были подарены либо Анне Бухман, либо миссис Марвин. <...> Она также отдала моей матери скатерть дамасского полотна и 12 платков.⁴⁰

3) Старший брат Джульетты, находившийся, по ее словам, на дипломатической службе, был в дружеских отношениях с Джорджем Бэнкрофтом.⁴¹ Они познакомились в Берлине, где Бэнкрофт служил послом, сначала в Пруссии (1867–71), а затем в Германии (1871–74). По словам Генри Джеймса, Бэнкрофт говорил о сходстве ее черт с внешностью его друга, дипломата барона Нотомба.

Характерно, что, в отличие от подробностей, всегда присутствующих в фантазиях Джульетты, информация, которую сообщает о прошлом жены Пирс, характеризуется гораздо меньшей определенностью. См., например, его письмо неизвестному⁴² за 13.II.09:

...у меня прекрасная жена, и то, что я говорю Вам о ней, является тайной, о которой никто не знает и никогда не узнает, пока она жива. Имейте это в виду. Никто, кроме меня, не имеет представления о том, кто она. Я сам всегда оберегал ее от лишних

³⁸ Ibid. "The Identity of Juliette" by Viktor Lenzen, p. 7; Ibid. "Notes on Juliette"; Brent J. Op. cit., p. 143.

³⁹ Ibid. "Notes on Juliette".

⁴⁰ Ibid. "Edna V. Green", EG-MHF, 18.06.1979

⁴¹ Джордж Бэнкрофт (1800–1891) — историк и государственный деятель, секретарь Морского министерства, учредитель Морской академии США в Анаполисе, недалеко от Вашингтона, автор «Истории Соединенных Штатов начиная с открытия американского континента».

⁴² Предположительно, адресатом этого письма является французский беллетрист Андре Невё (1881–1959), печатавшийся под псевдонимом Люк Дюртэн.

вопросов и, когда меня пытались вынудить к тому, просто отказывался давать какую бы то ни было информацию. ... Ее отец и мать, осиротев, унаследовали огромное состояние, но были ограблены опекунами. Отец вынужден был взять буржуазную фамилию, полагая настоящую слишком известной и слишком ненавидимой. Впоследствии ему представилось несколько случаев завладеть внушительным наследством, но не смог заставить себя принять их. Моя жена, имея возможность, оставив меня, выбрать безбедную жизнь, осталась со мной, тем самым обрекая себя на мучительную бедность, эффект которой многократно усиливается тем, что ее отец, не имея ничего, был усыновлен одним из величайших королей, и дал ей самое утонченное воспитание. В силу любопытного душевного сродства, королевские семьи стремились к дружбе с ее семьей, и хотя ни я, ни она никогда не упоминали об этом, любопытно, что наши друзья и знакомые в этой стране всегда считали, что она принадлежит к какой-то царствующей династии, и мне не составило труда разыскать ее подлинное имя в первой части Готского Альманаха.⁴³ Те, кто подозревает в ней указанную принадлежность, правы в том, что в общении с царствующими особами она чувствовала себя более естественно, чем с кем бы то ни было еще. Хотя в этой стране не принято придавать значение подобным вещам, несомненно то, что традиции этих людей и их положение освободили их от низости, и я понимаю, почему она никогда не чувствовала себя здесь как дома.⁴⁴

Несмотря на уверения Пирса, позднейшие поиски следов предков Джульетты всех возможных фамилий в Готском Альманахе ни к чему не привели. Следует, однако, учитывать тот подтвержденный факт, что Джульетта действительно была обладательницей ряда драгоценностей и, по крайней мере, какое-то, достаточно продолжительное время — поддерживавшего Пирсов ежегодного дохода в несколько тысяч франков, происхождение которых не известно. Судя по письмам, большая часть драгоценностей была постепенно продана ввиду постоянно возникавших долгов, связанных со специфическим отношением Чарльза к деньгам, не прекращавшейся перестройкой усадьбы, а также с тем, что, даже перебравшись в Милфорд, Чарльз и Джульетта в течение ряда лет продолжали снимать довольно дорогую квартиру в Нью-Йорке.

Большой несуразностью является то, что, несмотря на аутентичность французского Джульетты, засвидетельствованного несколькими людьми, из интервью с Гассманом-старшим следует, что Пирс, по его собственному утверждению, давал ей уроки этого языка, и что она часто делала ошибки, опуская *-e* на конце женских имен, а жена Гассмана говорила, что помогала Джульетте в составлении писем на немецком.⁴⁵

⁴³ Готский Альманах (Almanach de Gotha) — список европейских правящих династий; впервые издан в 1763 г. в герцогстве Саксен-Кобург-Гота, на территории нынешней Тюрингии, при дворе Фридриха III.

⁴⁴ L 713, CSP-Unknown, 13.11.09.

⁴⁵ MHFF, "Gassman Family", letter of V. Lenzen 11.07.1961, Statler Hilton, Washington D.C.

Так или иначе, все, что мы имеем в итоге, это совокупность, или, вернее, смешение имен, фактов и дат, хотя не лишено интереса то обстоятельство, что многие из них повторяются или прямо отсылают друг к другу в различных версиях, позволяя расположить эти версии в некоторой последовательности.

Джюльетта действительно имела какой-то интерес в детском приюте на Род Айленде, принадлежавшем конгрегации Святого Сердца Иисуса. К той же конгрегации относились монастыри, в которых жила Елизавета Голицына, дочь отца Дмитрия. Отец Дмитрий основал поселение Лоретто, расположившееся в непосредственной близости от двух станций Береговой службы, которые курировались Чарльзом Пирсом. Брат Чарльза Герберт служил секретарем американского посольства в Санкт-Петербурге и, по словам Чарльза, был обязан этим местом протекции Джюльетты. Упомянувшиеся семьи Бакур и Инкур связаны друг с другом эльзасским происхождением, а также тем, что обе имеют своим общим предком математика Жана Фурье, который участвовал в наполеоновском Египетском походе и был секретарем учрежденного Наполеоном Каирского института. Эльзас и Лорейн также оказываются родиной Ульнэ и местом расположения замка ля Верьер; даты смерти Кальбервиша и Леви совпадают и крайне недалеко отстоят от времени предполагаемой встречи Джюльетты и Чарльза и т.д. и т.д. Список аналогий и совпадений, которые наполняют даже вышеприведенное крайне сжатое описание, может быть существенно продолжен.

Однако все эти совпадения нимало не помогают. Двигаясь внутри каждой из историй, мы можем, в какой-то момент, выйти, как в открытую дверь, в другую историю, в которой правдоподобия и мотивации той прежней перестают работать. В конечном итоге, покинуть эту спровоцированную рассказами Джюльетты борхесовскую энциклопедию, не будучи одураченными, не представляется возможным. Каждое из сделанных допущений позволяет более чем одну интерпретацию, свидетельства очевидцев противоречат друг другу, гипотезы образуют причудливые, но ни о чем конкретно не говорящие связи, а при упоминании нескольких фамилий часто остается неизвестным, идет ли речь об одном и том же человеке или нескольких разных людях. Фикция переплетается с событиями реальной истории таким образом, что ни одна из гипотез не может получить достаточного основания. Ввиду этого можно сказать лишь то, что обозначившаяся картина сходств говорит либо о том, что биограф видит только то, что хочет и готов видеть, либо о том, что его намеренно водят за нос.

Ясно, однако, то, что Джюльетту, кем бы она ни была, в силу каких-то причин, особенно интересовал период европейской истории между концом Второй Республики во Франции, Крымской кампанией и спровоцированной Бисмарком Франко-прусской войной 1871–1872

гг., которая привела к пленению Наполеона III, потере Францией Эльзаса и Лорейна и образованию Германской Империи. В этот период, в том или ином контексте, помещаются все возможные даты и обстоятельства ее рождения, а также рассказы о детстве. Вполне возможно, просто в силу особенностей характера, ее сильно занимало все, что связано с личностью Шарля Луи Бонапарта, или Наполеона III, последнего французского монарха, сына короля Голландии Людовика Бонапарта и Гортензии Богарнэ. Шарль Луи, совмещая в своей крови темперамент голландца и корсиканки, считался большинством европейских королевских семей выскочкой, и при всей своей, не лишенной романтизма, целеустремленности, как в политике, так и в личной жизни был триумфом непостоянства, эклектики и отсутствия логики.

Пирсы

Что касается отношения к Джульетте со стороны большинства членов семьи Чарльза, то оно никогда не было однозначным. Особое любопытство, смешанное с неприятием и непониманием, Джульетта вызывала у Шарлот Элизабет Пирс, тетки Чарльза и хозяйки дома на Киркланд авеню в Кембридже, где жила вся семья Пирсов. Непосредственно до и вскоре после истории в Хопкинсе Чарльз и Джульетта дважды, в ноябре 1883 и апреле 1884 гг., приезжали в Кембридж – который их, учитывая скандальный характер брака, вовсе не ждал. Накануне приезда Сара Миллз писала Хелен, сестре Чарльза:

Я страшно боюсь трудностей, которые ждут впереди их, и, тем самым, меня, семью и общество. Чарли относится к условностям как ребенок, равным счетом ничего не подозревая о том, что совершенно всё восстает против того, чтобы она была принята где бы то ни было.⁴⁶

Уже первый приезд оставил у матери Чарльза и Элизабет Пирс несколько разные впечатления:

Ее манеры очень приятны, и в моменты, когда ее движения приобретают живость, глаза становятся особенно выразительными. Ее зубы и волосы, равно как фигура и кисти рук также удивительно хороши. Однако у нее впалые щеки, которые не покидают мертвенная бледность.⁴⁷

Скажу о ней лишь, что она всегда вела себя как леди, была обходительной и внимательной к окружающим. Я просто не могла ей не заинтересоваться – хотя не могу сказать, что была чем-либо в ней особенно приятно удивлена. Я искренне надеюсь, что Чарли будет с ней честен и расскажет о себе все, как есть. Однако

⁴⁶ L 687, SMP-NPE, 19.II.83

⁴⁷ Ibid. SMP-NPE, 27.II.83

даже если это произойдет, не думаю, что мое отношение к ней изменится, хотя я действительно терпеть не могу никаких загадок. Мне она представляется испорченным ребенком, и у меня нет никакого желания проводить с ней сколько-нибудь долгое время.⁴⁸

Мне действительно жаль Чарли, но жениться на ней было его собственным выбором, несмотря на все советы и пожелания друзей. Никак не могу представить себе, что такого замечательного он в ней нашел. Это не может быть красота — поскольку она ее *начисто лишена*... Суть в том, полагаю, что она просто его околдовала. Если бы она жила в Салеме во времена охоты на ведьм, ее бы, несомненно, судили как ведьму и вынесли бы надлежащий приговор.⁴⁹

В апреле-мае завязывается оживленная переписка между Элизабет и сестрой Чарльза Элен Пирс Эллис, поскольку во второй приезд «тетке Лиззи» удалось ближе познакомиться с Джульеттой. Эти письма крайне важны, поскольку дают богатую деталями картину:

Дражайшая Элен,
Вчера утром, после того, как я написала тебе, пришла телеграмма от Чарли, в которой говорится, что он и Джульетта хотели бы приехать сюда (если у нас есть для них место), чтобы пробыть до понедельника, и прибывают сюда сегодня! ...я была в совершеннейшем ужасе и твоя мать, очевидно, также была далека от восторга. Джем хотел, но не чувствовал в себе сил сказать «нет». Я сама должна была сразу и решительно сказать «нет», как это произошло, когда Чарльз попросил у меня взаймы \$200. Это бедное больное существо (ведь она больна?), находящаяся чуть ли не «при последнем издыхании»,⁵⁰ жертва истерии; привозить ее сюда — насколько безответственно и невнимательно по отношению к твоей матери, учитывая ее возраст и состояние здоровья, и ко мне, в мои 80. Это не деликатно и лишено всякой пристойности по меньшей мере. Я опасаясь, что в планы Мадам входит не оставлять нас в покое. Я питаю к ней большую неприязнь, чем когда-либо. <...> Чарльз должен, наконец, понять, что это абсолютно мой дом. Он и Джульетта полагают, что я к ней привязана, и теперь, когда я дала им палец, они готовы отхватить всю руку. ...когда она была здесь в прошлый раз, я жалела ее; сперва она была больна, лежала в постели и выглядела такой бледной и слабой, однако, спустившись вниз вечером, вела себя как испорченный и дерзкий ребенок, и я поняла, что смогу вынести ее присутствие разве что очень короткое время. И потом, я несколько больше узнала о ней и теперь испытываю неприязнь и даже некоторый страх. Достаточно уже одного мифа о наследстве. В чем смысл всего этого? Я думаю, она сама в это все беззаветно верит. <...> Безусловно, то, как она обращается с Чарли, гарантирует любой возможный вывод о том, кто она такая.⁵¹

⁴⁸ L 676, СЕР-НРЕ, 18.12.83.

⁴⁹ Ibid. СЕР-НРЕ, 18.03.83

⁵⁰ Джульетта пережила Пирса на 20 лет.

⁵¹ Ibid. СЕР-НРЕ, 04.84.

Она выглядит гораздо лучше, чем в то время, когда была здесь в прошлый раз, так что, оплакивать ее и Чарльза, кажется, преждевременно — он говорил тогда, что ляжет на ее могилу, и умрет вслед за ней. Я, однако, полагаю, что она вне опасности. Что касается Чарли, то, думаю, в противном случае, он также не озаботился бы трауром. Вчера во второй половине дня я была с ней в гостиной, и она начала рассказывать о том, какую ужасную зиму ей пришлось пережить, и что всему виной отношение к ней Чарльза. Не берусь повторить историю в деталях, к тому же, в самой середине ее вошла твоя мать. <...> Странно, что Зине, и теперь Джульетте приходится переживать то же самое. Как она (Джульетта) рассказала мне, в приступе гнева Чарльз «совершенно ужасен». Я спросила ее, что именно она имеет в виду, и она ответила, что не может мне передать всего, поскольку это произведет на меня слишком тягостное впечатление. <...> Одна из ее жалоб в том, что он вмешивается в ведение хозяйства, что... он одолжил Бредфорду почти \$100, что он часто одалживает ему деньги и тот никогда не возвращает, что на самом деле он одалживает их миссис Бредфорд, что Бредфорды хорошо одеваются, и миссис Бредфорд носит драгоценности... Подозреваю, что она упряма и своенравна, любит управлять, но, когда угрожает, может предстать чрезвычайно обаятельной.⁵²

Когда я вернулась домой, Джульетта, которая, когда я уходила, лежала в постели совершенно больная, беседовала с твоей матерью и выглядела совершенно здоровой. После она сказала, что ее плохое самочувствие было вызвано тем, что Чарли ей до этого наговорил, и что в этом причины всех ее проблем со здоровьем. Когда я была в столовой, она вошла и села рядом. Мы поговорили о том о сем по-немецки и по-французски. Ее французское произношение великолепно, ее язык ясен, прост и отчетлив, и она говорит на нем свободно и весьма выразительно. Она успела рассказать мне много занимательного о своем отце и раннем детстве. Она для меня настоящая загадка — столь проста и безыскусна. Странно, что женщина, получившая такое воспитание, как она говорит, может терпеть Чарльза и сохранять с ним близкие отношения в течение стольких лет.⁵³

Джульетта и Чарльз упаковали вещи и готовы к отъезду. После ленча (или обеда) она осталась в столовой и вызвалась помочь мне. Конечно же, я ей не позволила. <...> Я спросила ее, располагает ли она какими-либо личными сбережениями, независимо от Чарльза. Она ответила, что у нее есть деньги, но она держит это в секрете от Чарльза, поскольку, в противном случае, он их непременно заберет и будет тратить направо и налево, пока не пустит на ветер всё — его расточительность безгранична. Я слышала, что она была в Бостоне во время болезни твоего отца в то долгое и грустное лето — ты помнишь, когда Чарльз вернулся из Европы. Я спросила у нее, была ли она в Бостоне в то лето, когда заболел мой брат. Она ответила, что тогда жила в Нью-Йорке. Однако, по ее словам, была еще одна женщина, которую Чарльз привез из Европы, и именно она была в Бостоне в это время! <...> Она уверяет, что знает еще одну, которой Чарльз передавал зна-

⁵² Ibid. СЕР-НРЕ, 14.04.84.

⁵³ Ibid. СЕР-НРЕ, 16.04.84.

чительные суммы. Это была одна красавица-голландка, которую он также просил приехать сюда и она действительно приехала. Как странно, что Джульетта могла выйти замуж, если ей было известно все это? Она говорит, что не хотела выходить за него, но он смог ее переубедить. Он пришел к ней, держа в руке пистолет, и заявил, что застрелит ее, если она не согласится. Тогда твоя мать написала ей письмо. <...> Чарльз сказал твоей матери, что Джульетта держит дом в порядке, но ничего не понимает в цифрах, так что он вынужден вмешиваться в ведение хозяйства, поскольку иначе их ждут финансовые проблемы. <...> Когда она здесь, я не могу не попадать под воздействие ее обаяния, несмотря на то, что в то же самое время совершенно ей не доверяю.⁵⁴

После отъезда Чарльза и Джульетты из Кембриджа, Элизабет написала Чарльзу письмо с просьбой открыть дату и место рождения жены. Это желание выяснить подробности ее родословной было не простым любопытством — это была попытка вписать ее в историю, определить место в иерархии фамилий, найти хотя бы какое-то основание для примирения. Ответа, естественно, не последовало. Три года спустя она писала Элен:

Я немного поговорила с Бертом о Джульетте, и мы полностью сошлись во мнении. <...> Она, кажется, берет уроки актерского мастерства. Полагаю, они дают ей без труда; более того, похоже, в этой профессии нет ничего, чем бы она уже прекрасно не владела и так.⁵⁵

Джульетта действительно брала, и не безуспешно, уроки актерского мастерства в 1885–1886 гг., о чем, кроме Элизабет, несколько раз упоминают в письмах этого времени сам Пирс и Сара Миллз. Противоречивости в портрет Джульетты добавляют и некоторые связанные с ней письма Пирса, отосланные им в разное время семье в Кембридж. Так, в недатированном письме Герберту, Пирс писал:

Джульетта, кажется, пребывает в давней и обширной переписке по поводу различных проявлений моей воображаемой «ненормальности». Как бы мне хотелось найти хоть кого-то, кто смог бы объяснить ей, что вместо того, чтобы устраивать вокруг этих писем непонятные мистерии, ей следовало бы *показать их*, рассказать, от кого они, в чем суть обвинений и каковы свидетельства?

Она спрашивает, кто тратит деньги? Главным образом, она же, но она при этом никогда не берет в расчет, что, даже когда я оплачиваю тот или иной счет, деньги тратит именно она.

Она делает все возможное для того, чтобы не дать мне заработать достаточно для приличной жизни, и я не в силах ей в этом противостоять. Кроме того, удивительно, сколь многих людей она умудряется привлечь себе в помощь для достижения этой цели.

⁵⁴ Ibid. СЕР-НРЕ, 17.04.86.

⁵⁵ Ibid. СЕР-НРЕ, 22.04.86.

Она и никто другой стала причиной того, что я потерял места в Балтиморе и Палате мер и весов. <...> Уже очень скоро, через несколько дней, я расстанусь с должностью в Береговой службе. Вскоре после свадьбы она заявила, что вышла за меня с целью полностью разрушить мою жизнь. К этому все идет — хотя, полагаю, тогда это было сказано не всерьез...⁵⁶

Учитывая непрактичность Пирса, а также (даже допуская реальность скрываемой Джульеттой переписки) откровенно маниакальный характер письма, можно заключить, что, обвиняя Джульетту в растратах, он принимал желаемое за действительное. Однако разрушительность союза с Джульеттой для Пирса, по-видимому, была фактом, который он осознавал с предельной ясностью, но который, в силу каких-то причин, браку не помешал.

В январе 1887 г., на волне приготовлений к своему, окончившемуся впоследствии неудачей, курсу логики по переписке,⁵⁷ Пирс сообщал в письме Джемму:

Она, кажется, состоит в некоей загадочной переписке, которую скрывает от меня... Именно ее визиту в Казначейство, как я всегда о том догадывался, Береговая служба обязана всеми своими трудностями. Она может с чистых глаз заявить, будто знает, что я вор — конфиденциально, как нечто, что «не должно пойти дальше». Она способна перехватывать письма и вскрывать корреспонденцию, писать другим о том, что мне нельзя доверять деньги авансом. Я не могу держать в квартире ни клерка, ни женщину, которая бы помогала мне с работой.

И потом, месяцы нашей жизни переполнены ссорами за каждую мелочь, которую нужно оплатить наличными. <...> Дядя Сэм и Джульетта — этого уже вполне хватит, чтобы свести меня с ума. Я так и не научился даже приблизительно просчитывать, на что способен первый, а от второй можно ожидать 30 различных линий поведения в месяц, из которых 25 будут тем или иным образом препятствовать моему успеху. Сожги это письмо, которое несправедливо, поскольку я предан ей и страшно ее люблю. Но я просто вне себя... этим утром она прервала мою деловую беседу с одним джентльменом своей трескотней о моих «сучках».⁵⁸

Что касается умения Джульетты распоряжаться деньгами, то, судя по ее переписке с юристами по поводу закладных на милфордскую усадьбу, а также по отчетам, присылавшимся адвокату, нанятому Джеммом для предотвращения возникшей в 1895 г. угрозы продажи дома, она во всех случаях обнаруживала редкую расчетливость и рациональность.

Странная переменчивость физического и эмоционального состояний Джульетты была предметом удивления не только для Элизабет Пирс. В 1890 г. Чарльз отправил Джульетту, у которой за некоторое вре-

⁵⁶ Ibid. CSP-NHDP, n.d. (по предположениям М. Фиша, июнь 1885 г.).

⁵⁷ Курс логики по переписке — один из многих неудачных проектов Пирса, представлявший собой, в общем и целом, аналог нынешнего «дистанционного обучения».

⁵⁸ Ibid. CSP-JMP, 01.87.

мя до того появились подозрения на туберкулез, на отдых за границу. В Каире и Александрии с Джульеттой встречался Джем, который писал Чарльзу:

Я встречался с Джульеттой несколько раз за последнюю неделю или дней десять и спешу поделиться с тобой моими впечатлениями о ее здоровье. Не могу не отметить, что зима здесь оказала на нее самое благотворное влияние. Она упоминает о серьезных приступах, которые все еще случаются время от времени и говорит о себе как об обреченной. Тем не менее, когда я вижу ее с ней, она выглядит здоровым и энергичным человеком, получает явное наслаждение от своей каирской жизни и хорошо знает город, благодаря частым прогулкам по улицам и базарам. ...кажется, она никогда не устает и не теряет ясности в суждениях. Кроме того, она выказывает совершенно экстраординарные способности в подборе товаров и умении торговаться в цене. <...> Конечно, она выглядит несколько слабой и бледной, как это было всегда ей свойственно, время от времени дышит и говорит с некоторым усилием. Но это практически не заметно, и мое мнение таково, что ни о каком серьезном заболевании легких не может быть и речи. Она выглядит гораздо более бодрой и здоровой, чем когда бы то ни было.⁵⁹

Мнение, которое мне удалось сформировать о ее случае, стоит, вероятно, не многого. Но что-то я могу сказать определенно. Я не верю в то, что она была больна настолько, насколько это ей самой представлялось. Она легко возбудима, и столь же легко впадает в депрессию. Когда она пребывала в хорошем самочувствии, то выглядела счастливой, выказывала большой интерес ко всему, что ее окружало, так что проявления чувств ее можно было бы считать, возможно, даже слишком бурными. Затем наступала обратная реакция. Она уставала и несколько дней проводила в постели. Я не мог не удивляться ее энергии и уверенности в себе, и, хотя она существо крайне хрупкое и ей, безусловно, приходится много страдать, я уверен, что она обладает огромным запасом жизненных сил.⁶⁰

Список болезней Джульетты Пирс действительно может представиться крайне серьезным: туберкулез, частая обездвиженность, проблемы, вызвавшие в 1896–1897 гг. необходимость гистерэктомии и прочее. Однако, если сопоставить эти факты с датой смерти Джульетты (1934 г.) и описаниями, приводимыми Джемом, Элизабет Пирс вполне могла оказаться права в своей оценке причин вызывавшего у нее столь сильное удивление поведения Джульетты, когда назвала ее в одном из вышеприведенных писем «жертвой истерии». Явно демонстративные эмоциональные реакции, возможно фиктивные болезни, частые колебания настроения, самовнушаемость, склонность к сочинению небылиц и подражание поразившей воображение личности — все перечисленное действительно можно было бы прочесть как симптомы этого недуга, имевшего в викторианскую эпоху достаточно широкое распространение.

⁵⁹ L 339, JMP-CSP, 05.04.90.

⁶⁰ Ibid. JMP-CSP, 13.06.90.

Истерия была открыта Фрейдом и Брейером примерно в это же время, в 1890-х гг., незадолго до, собственно, рождения психоанализа, т.е. до выхода в свет «Толкования сновидений» в 1900 г. (Любопытно, что в Америке психоанализ получил признание раньше, чем в Европе, сразу после визита Фрейда в США в 1909 г. по приглашению Стэнли Холла, на тот момент — президента университета Кларка).⁶¹ Фрейд классифицировал истерию как конверсионный невроз: конверсионные симптомы симулируют ту или иную физическую проблему (например, временный паралич) и, таким образом, символически отражают внутренний душевный конфликт, переводя его во внешние знаки. Неразрешенная и не признаваемая внутренняя травма переводится в символические физиологические явления, причем истерик, а иногда даже врач, полностью убеждены в их реальности. Таким образом, создается ситуация, когда тело истерика как бы разыгрывает драму его сознания. Главной целью такой конверсии является изживание внутренней травмы через освобождение от внешних обязанностей и попытка обратить на себя внимание окружающих.

В том виде, в котором она была описана Фрейдом, т.е. как болезнь, вызванная социальными причинами, истерия исчезла с концом викторианской эпохи, которая была временем жестких социальных запретов и предписаний. Так или иначе, она представляла собой в полном смысле этого слова семиотический недуг, переводящий вытесненное внутреннее во внешние знаки. Внутреннее в подобной ситуации — и это приобрело важность в позднейших психоаналитических практиках — не теряет существенности, но становится важна сама рассказываемая история, поскольку содержание конфликта само по себе — не более чем диагноз, простая констатация которого начисто лишена смысла.

Тем не менее, связность невротического рассказа проблематична, она всегда предполагает зазоры, позволяющие, как и в вышеизложенных версиях, легко переходить от одного сюжета к другому, но не позволяющие составить их в единую картину. В результате, любой желающий узнать правду о Джульетте создает нечто прямо противоположное — биографический детектив, который, к тому же, обманывает читателя, поскольку противоречит основному правилу литературы как его определил один из величайших викторианских писателей Роберт Льюис Стивенсон: искусство письма состоит в знании того, о чем необходимо умолчать, а искусство чтения — в умении пропустить то, о чем не смог умолчать автор. Отступление от этого правила ведет к тому, что умалчиваемое, вместо того, чтобы стать объектом интереса, неизбежно становится объектом невротических попыток самого исследователя рассказать историю, в то время как у этой истории уже есть автор —

⁶¹ Colapietro V. Pragmatism and Psychoanalysis — C.S. Peirce as a Mediating Figure, in: *Cognitio*, Vol. 7, № 2, São Paulo, 2006, pp. 197–198.

Джульетта Пирс, — который сделал хорошую работу и не склонен никому уступать своего места.

И все же, в любом случае, если внутреннее представляет собой проблему, то внешнее повествует о живом человеке, и если человек — это картина, то картина эта, подобно «Менинам» Веласкеса, составляет описанное Мишелем Фуко мнимое, ускользающее и удвоенное в зеркальном отражении пространство, в которое одновременно помещены и художник, и зритель, и изображаемый объект. Это семиотическое пространство лишено чистой взаимности классической семантики, поскольку, как и в «Менинах», реальным объектом взгляда является то место, на которое взгляд не может быть направлен непосредственно — это изнанка нарисованного на картине холста, изображающего самого смотрящего.